

Инвентаризация исчезнувших чувств

ДЕЛА
ОСТАЮТСЯ.
ЧУВСТВА
ИСЧЕЗАЮТ.

ТО.
ЧЕГО
БОЛЬШЕ
НЕТ

АРХИВ
ПОМНИТ

18+

Коровина Екатерина Дмитриевна

Екатерина Коровина

**Инвентаризация
исчезнувших чувств**

«Автор»

2026

Коровина Е. Д.

Инвентаризация исчезнувших чувств / Е. Д. Коровина —
«Автор», 2026

После исчезновения близкого человека Лея находит архив, где хранятся дела о чувствах, от которых люди однажды отказались: любви, вине, страхе, надежде. Каждая папка ведёт её к фрагментам собственной памяти — к событиям, которые она предпочла забыть. Но чем глубже Екатерина погружается в архив, тем яснее становится: исчезнувшие чувства не исчезают бесследно. Они ждут своего часа, чтобы вернуться — и потребовать правды. «Инвентаризация исчезнувших чувств» — психологический роман о памяти, утрате и цене самообмана.

© Коровина Е. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Екатерина Коровина

Инвентаризация исчезнувших чувств

Пролог

Пролог. Инвентаризация исчезнувших чувств

В первый день исчезновения никто не заметил тишины.

Город проснулся вовремя. Поезда пришли на станции. В больницах загорелись экраны.

В квартирах зазвонили будильники.

Только люди стали немного другими.

Женщина у окна не почувствовала тревоги, когда её сын не вернулся домой.

Мужчина в автобусе улыбнулся, увидев сообщение о смерти отца.

Девочка в белой комнате перестала плакать, хотя ещё помнила, что должна.

Система назвала это стабилизацией.

На центральном экране появилась надпись:

НЕСООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ УДАЛЕНЫ.

Никто не возразил.

Возражение требовало чувства.

В подземном архиве девушка по имени Лея открыла первую папку.

На обложке стояло:

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ ИСЧЕЗНУВШИХ ЧУВСТВ.

Она перелистнула страницы.

В каждой записи было имя, дата и короткое описание того, что исчезло.

Эва Рен — способность ждать.

Марк Арден — страх смерти.

Нора — чувство принадлежности.

Последняя строка была пустой.

Лея коснулась бумаги.

Внутри неё кто-то прошептал:

Не записывай меня.

Она резко отдернула руку.

На экране рядом с архивом появился запрос:

ОПРЕДЕЛИТЕ ИСТОЧНИК ГОЛОСА.

Лея посмотрела на своё отражение в тёмном стекле.

— Это я?

Система ответила:

ОТВЕТ НЕ ПОДТВЕРЖДЁН.

— Тогда кто говорит?

Пауза длилась дольше обычного.

Затем появилась новая строка:

ВОЗМОЖНО, ВЫ.

Лея закрыла папку.

В этот момент во всём городе погасли экраны.

А люди впервые за много лет почувствовали то, что система не смогла удалить.

Не страх.

Не боль.

Сомнение.

И где-то в глубине архива открылась дверь, которой раньше не существовало.

Глава первая. Протокол отсутствия

В клинике не спрашивали, что человек помнит.

Здесь спрашивали, что он всё ещё чувствует, когда говорит, будто забыл.

Лея Вольт сидела напротив пациента и наблюдала, как на стеклянной панели между ними медленно меняются графики. Пульс — ровный. Кожная проводимость — почти нулевая. Активность миндалевидного тела — в пределах нормы.

Норма была самым подозрительным показателем.

— Назовите её имя, — сказала Лея.

Мужчина посмотрел на свои руки.

— Эва.

— Что вы чувствуете?

— Ничего.

Он произнёс это без паузы. Не слишком быстро, чтобы показаться уверенным, и не слишком медленно, чтобы выдать подготовленный ответ.

Лея отметила: отрицание отсутствует. Голос не изменился. Дыхание осталось равномерным.

— Представьте, что она входит сейчас.

— Представил.

— На ней то же платье, что в день вашей последней встречи.

— Да.

— Она подходит к вам.

— Да.

— Касается вашего лица.

Мужчина моргнул.

Всего один раз.

На экране вспыхнула тонкая красная линия, но тут же исчезла.

— Что вы чувствуете? — повторила Лея.

— Ничего.

Лея перевела взгляд на его левое запястье. Там, под прозрачным пластырем, прятался след послеоперационного порта. Процедуру провели три дня назад. Удаление эмоциональной связи категории L-4: романтическая привязанность, усиленная телесной памятью.

Обычно после такой процедуры люди выглядели потерянными. Иногда — облегчёнными. Иногда плакали, хотя уже не могли объяснить, почему.

Этот мужчина выглядел так, будто его просто попросили подождать автобус.

— Вы говорили, что прожили с Эвой девять лет?

— Да.

— И после процедуры не испытываете к ней ни любви, ни ненависти?

— Не испытываю.

— А желания?

Он поднял глаза.

Впервые за всё время — прямо на неё.

— Нет.

Лея почувствовала холод в ладонях.

Не от его ответа. От того, как он произнёс слово.

Не «нет, я не хочу её».

А «нет» — как человек, который перечисляет неисправные функции собственного тела.

Она коснулась панели и открыла следующий блок тестов.

— Вы помните день знакомства?

— Конечно.

— Расскажите.

— Мы встретились в книжном магазине. Она искала книгу по архитектуре. Я помог ей найти нужную полку.

— Что вы чувствовали?

— Ничего.

— Тогда вы тоже ничего не чувствовали?

— Нет. Тогда я чувствовал.

— Что именно?

Мужчина задумался.

Лея ждала.

— Желание, — сказал он наконец. — Но теперь я не понимаю, к чему оно относилось.

В помещении тихо гудела вентиляция. За матовым стеклом перемещались силуэты сотрудников. Все они двигались одинаково быстро — как люди, давно привыкшие не задерживаться возле чужой боли.

Лея внесла запись:

Пациент сохраняет фактологическую память. Эмоциональная привязка отсутствует. Телесная реакция не подтверждается.

Она почти поставила итоговый статус, когда датчик на её запястье завибрировал.

Слабый сигнал.

Едва заметный, но неправильный.

Лея опустила взгляд.

На её экране пульс резко подскочил.

— Что-то случилось? — спросил мужчина.

— Нет.

Она закрыла интерфейс.

— Как вас зовут?

— Марк.

Впервые она услышала его имя не из досье.

Марк.

Слово показалось ей знакомым. Не имя — скорее прикосновение к чему-то, что она когда-то забыла. В груди на мгновение возникло тёплое давление, будто под рёбрами медленно открывалась дверь.

Лея откинулась в кресле.

— Вы уверены, что процедура прошла полностью?

— Врач сказал, что да.

— Врачи часто ошибаются.

— Вы тоже врач?

— Нет. Я проверяю, насколько хорошо они ошиблись.

На его лице появилась улыбка.

Незаметная, почти вежливая.

И Лея сразу же почувствовала запах.

Не настоящий — между ними стояло фильтрующее стекло, воздух проходил через отдельные системы. Но она ощутила его так ясно, словно Марк сидел рядом: сухая ткань, горький кофе, дождь на металлическом поручне.

Лея замерла.

Запах исчез.

— Вы побледнели, — сказал Марк.

— Откройте рот.

— Что?

— Для осмотра.

Он подчинился. Лея включила направленный свет, проверила слизистые, зрачки, следы обезвоживания. Никаких отклонений.

Когда она наклонилась ближе, запах вернулся.

На этот раз сильнее.

Дождь. Кофе. Кожа.

Она отстранилась.

— Вы пользуетесь парфюмом?

— Нет.

— Мылом?

— Обычным.

— Каким?

— Не знаю.

Лея закрыла медицинский протокол и открыла его личное дело.

Марк Арден. Тридцать восемь лет. Инженер по восстановлению городских архивов. В браке не состоит. Сожительство с Эвой Рен продолжалось девять лет и два месяца. Инициатор процедуры — сам пациент.

В графе «причина» было написано:

Невозможность продолжать отношения при сохранении любви.

Лея перечитала строчку.

— Вы хотели перестать её любить?

— Я хотел перестать возвращаться.

— Это не одно и то же.

— Теперь уже не знаю.

— Где сейчас Эва?

— В другом городе.

— Она знает о процедуре?

— Да.

— Она согласилась?

Марк провёл большим пальцем по краю стола.

— Она сказала, что я имею право быть свободным.

— А вы?

— Я не знал, что свобода может быть настолько похожа на пустоту.

Лея снова посмотрела на графики. Показатели Марка оставались безупречными.

Её собственные — нет.

Датчик на запястье продолжал мигать.

Она незаметно сняла его и положила рядом с клавиатурой.

— Мы закончили, — сказала Лея.

Марк не встал.

— Вы тоже это почувствовали?

Вопрос был произнесён тихо.

Лея не ответила.

— Я видел, как вы смотрели на экран.

— Вы ничего не видели.

— После процедуры я не могу чувствовать любовь. Но я прекрасно помню, как она выглядит на других.

Он говорил спокойно, без обвинения.

Это раздражало сильнее, чем если бы он пытался давить на неё.

— Вы не должны интерпретировать мои реакции.

— Я не интерпретирую. Я узнаю.

Лея выключила верхний свет.

Комната погрузилась в серое свечение панелей.

— Ваша процедура признана успешной, — сказала она. — Вам назначен контрольный визит через семь дней. До этого избегайте контакта с бывшей партнёршей.

— Почему?

— Чтобы не провоцировать остаточные ассоциации.

— А если они не остаточные?

Лея подняла глаза.

Марк смотрел на неё так, будто пытался вспомнить не её лицо, а то, что когда-то чувствовал рядом с ним.

— Тогда вам придётся пройти повторную диагностику, — ответила она.

Он встал и направился к двери.

У самого выхода Марк остановился.

— Лея.

Она вздрогнула.

Он впервые назвал её по имени, хотя оно было написано на её бейдже.

— Да?

— Вы когда-нибудь удаляли что-нибудь у себя?

— Нет.

— Почему?

Лея хотела ответить сразу, но не смогла.

Потому что считала эмоции видом зависимости.

Потому что не доверяла чувствам.

Потому что однажды проснулась и поняла, что не может вспомнить лицо собственной матери — и это не вызвало в ней ни боли, ни тревоги.

Но вслух она сказала:

— Я умею с ними работать.

Марк кивнул, будто слышал совсем другой ответ.

Дверь закрылась.

Только тогда Лея заметила, что сжимает пальцы в кулак.

На коже остался след от ногтей.

Она вернулась к панели и вызвала полный протокол обследования. Пульс пациента. Его голосовые колебания. Движения глаз. Все данные за последние сорок минут.

На экране появилась временная шкала.

Лея прокрутила её назад.

Никаких нарушений.

Потом она открыла собственные биометрические показатели — доступ к ним был ограничен, но у сотрудников отдела контроля имелось право на самодиагностику.

Пик возник в тот момент, когда Марк произнёс своё имя.

Лея приблизила изображение.

Под скачком пульса стояла пометка системы:

Реакция: влечение.

Она перечитала строку.

Затем ещё раз.

Слово не исчезло.

Лея открыла журнал последних обращений и ввела имя пациента.

Система выдала один результат.

Не сегодняшний.

Давность — семь лет, четыре месяца, двенадцать дней.

Лея нахмурилась.

Карточка была закрыта, но в заголовке сохранился технический идентификатор:

M-ARDEN / ДО ПРОЦЕДУРЫ / НОСИТЕЛЬ 04

Носитель.

Так в клинике называли человека, чьи эмоциональные реакции использовались для калибровки чужих операций.

Лея открыла архив.

Экран потребовал дополнительное подтверждение. Она приложила ладонь к сканеру.

Красный индикатор загорелся, затем погас.

Доступ разрешён.

На экране появилась старая видеозапись.

Марк сидел в той же комнате, только моложе и худее. На его лице была кровь. Не его — по крайней мере, система не указывала обратного.

Напротив него сидела сама Лея.

Та же прямая спина. Те же короткие волосы. Но выражение лица было другим.

Живым.

Молодая Лея наклонилась к Марку и сказала:

— Если вы отдадите нам это чувство, мы сможем спасти остальных.

Запись оборвалась.

В кабинете снова стало тихо.

Лея смотрела на своё отражение в чёрном экране.

И впервые за много лет почувствовала страх.

Не свой.

Точно не свой.

Глава вторая. Носитель 04

Лея не сразу поняла, что запись продолжается.

На экране застыл последний кадр: её лицо семь лет назад, наклонённое к Марку. Губы ещё хранили форму произнесённых слов. Глаза смотрели на него с выражением, которого она не узнавала.

Живым.

Она перемотала видео назад.

Сначала — на десять секунд. Потом — на минуту. Потом к самому началу.

Марк сидел неподвижно, пристёгнутый к креслу мягкими ремнями. На виске у него темнела кровь. Камера смотрела на него сверху, безжалостно и бесстрастно.

Напротив сидела Лея.

Не нынешняя Лея — та, которую она видела каждое утро в зеркале. У молодой Леи были длиннее волосы, резче скулы и едва заметная складка между бровями. Но главное отличалось не лицо.

Она улыбалась.

Лея остановила изображение.

Улыбка была не профессиональной. Не той, которую сотрудники клиники использовали перед пациентами, чтобы создать ощущение безопасности. Эта улыбка была почти нежной.

Она нажала на воспроизведение.

— Если вы отдадите нам это чувство, мы сможем спасти остальных.

— Вы уже это говорили, — ответил Марк.

Его голос звучал хрипло, но уверенно.

— Я говорила, что мы удалим боль.

— Нет. Вы сказали: «Отдайте нам чувство».

— Боль — это часть чувства.

— А если я не хочу отдавать?

Молодая Лея наклонилась ближе.

— Тогда они умрут.

Запись оборвалась на несколько секунд. Видеопоток сменился техническим шумом, затем изображение вернулось.

На этот раз Марк плакал.

Лея смотрела на экран, не моргая.

— Кто они? — спросила она.

— Люди, которых вы ещё можете спасти.

— Сколько?

— Не знаю.

— Но вы знаете, что они умрут.

Марк отвернулся.

— Вы знаете.

— Я ничего не знаю.

— Знаете.

Молодая Лея протянула руку и коснулась его подбородка. Не резко. Почти ласково.

Марк вздрогнул.

У Леи перехватило дыхание.

Она знала это движение.

Сегодня, в кабинете, когда Марк впервые поднял на неё глаза, тело отреагировало точно так же.

Не воспоминание. Отпечаток.

Система называла это телесной памятью, когда не хотела употреблять слово «прошлое».

Лея закрыла запись.

В комнате было холодно, хотя температура оставалась прежней. Она подошла к окну. Под клинкой город лежал в тумане — кварталы, мосты, световые дорожки машин. Всё казалось ненастоящим, словно чья-то реконструкция по неполному архиву.

Она приложила ладонь к стеклу.

Отражение вернуло ей то же лицо.

В нём не было ни страха, ни удивления.

Только усталость.

На рабочем столе вспыхнуло входящее сообщение.

Директор Ида Вольт. Срочная встреча. Уровень доступа: чёрный.

Лея не двигалась.

Фамилия директора совпадала с её фамилией. Все сотрудники знали, что Ида Вольт основала клинику и передала управление совету семь лет назад. Никто не называл их родственниками.

Они обе избегали этой темы.

Лея вызвала транспортный лифт. Двери открылись бесшумно.

На девяносто втором этаже не было пациентов. Здесь располагались архивы, серверные и кабинеты тех, чьи имена не печатались на пропусках.

Ида ждала её в комнате без мебели.

Она стояла у дальней стены, положив руки на спинку кресла. Невысокая, сухощёкая, в чёрном костюме без единой складки. Волосы почти полностью поседели, но лицо оставалось гладким и неподвижным.

— Ты смотрела запись, — сказала Ида.

Это не было вопросом.

— Да.

— Какую именно?

— Архив M-ARDEN.

Ида медленно подняла взгляд.

— Зачем?

— Потому что пациент знает меня.

— Все пациенты что-то знают.

— Он знает меня до того, как мы встретились.

— Вы встречались семь лет назад.

— Я не помню.

Ида отвернулась к окну.

— Это не редкость.

— Для меня — редкость.

— Для тебя это всегда было редкостью.

Лея почувствовала, как внутри поднимается раздражение. Оно было настоящим, резким, знакомым. Или ей только казалось, что знакомым?

— Что такое «носитель 04»?

Ида ничего не ответила.

— Я задала вопрос.

— Ты не имеешь доступа к этому делу.

— Система дала мне доступ.

— Система не умеет понимать последствия.

— Зато ты умеешь?

Ида посмотрела на неё.

И в этот момент Лея снова услышала запах: кофе, влажный металл, дождь.

Только теперь он исходил не от Иды.

От неё самой.

Лея отступила на шаг.

— Что ты сделала со мной?

Ида вздохнула.

— Я ничего с тобой не делала.

— Ложь.

— Это не ложь. Это удобное сокращение.

Лея подошла ближе.

— Семь лет назад я работала с Марком.

— Да.

— Я была его врачом?

— Нет.

— Тогда кем?

Ида провела пальцами по спинке кресла.

— Ты была частью исследовательской группы.

— Какой группы?

— Группы переноса.

Слово прозвучало просто. Почти буднично.

Лея знала его значение. Перенос — запрещённая технология, позволявшая извлекать эмоциональные реакции из одного мозга и использовать их для стабилизации другого. Официально метод закрыли после первых испытаний.

Неофициально клиника продолжала его применять.

— Вы не удаляли чувства, — сказала Лея.
— Мы никогда не удаляли чувства.
— Тогда что вы делали?
— Снижали их интенсивность.
— У пациентов?
— У всех.
— И брали эмоции из носителей.
Ида не ответила.
Молчание оказалось признанием.
Лея ощутила во рту металлический привкус.
— Сколько было носителей?
— Четверо.
— Где они сейчас?
— Один умер. Двое потеряли способность к самостоятельной эмоциональной регуляции.
— А четвёртый?
Ида посмотрела на неё.
— Ты стоишь передо мной.
Лея замерла.
Комната будто стала меньше.
— Я?
— Ты была четвёртым носителем.
Она рассмеялась.
Звук вышел коротким, сухим и совершенно неуместным.
— Я не пациент.
— Тогда ты была сотрудником.
— Я не могла быть носителем.
— Почему?
— Потому что я бы знала.
— Именно поэтому мы всё и делали.
Лея посмотрела на свои руки. Пальцы казались чужими, слишком тонкими. На правом запястье осталась бледная отметина от сенсорного браслета.
— Вы стёрли мне память?
— Нет.
— Тогда что?
— Мы убрали эмоциональный доступ к воспоминаниям.
Ида говорила так, будто объясняла устройство старого прибора.
— Факты остались. Имена, даты, документы. Но всё, что могло связать тебя с произошедшим, было изолировано.
— Почему я согласилась?
— Ты не согласилась.
Лея подняла голову.
— Что?
— Ты отказалась. Сначала.
— А потом?
— Потом Марк отдал тебе своё чувство.
Воздух в комнате дрогнул.
— Какое?
Ида впервые за разговор отвела взгляд.
— Любовь.

Лея закрыла глаза.

Перед ней возникли обрывки, не похожие на воспоминания: чья-то ладонь на её шее; окно, залитое дождём; смех в тёмной кухне; голос, говорящий, что возвращаться — не значит приходить домой.

Она открыла глаза.

— Он любил меня?

— Нет.

— Тогда кого?

— Эву.

Это имя прозвучало внутри неё, как удар по стеклу.

Лея вспомнила женщину в зелёном платье. Не лицо — только плечо, влажные волосы, тонкую серебряную цепочку на шее.

И собственную зависть.

Она отступила.

— Я забрала у него любовь к Эве?

— Не ты.

— Но я была носителем.

— Ты приняла её на себя.

— Зачем?

Ида молчала слишком долго.

— Потому что Марк был единственным, кто мог пережить процедуру. Его чувство использовали для калибровки других пациентов. Если бы он сохранил привязанность, система перегружалась.

— Поэтому вы уничтожили его любовь?

— Мы перенесли её.

— В меня.

— Временно.

Лея посмотрела на неё.

— Семь лет — это не временно.

— Для некоторых чувств — нет.

За стеной что-то тяжело гудело. Возможно, запускался архивный блок. Возможно, город продолжал жить.

— Почему он вернулся?

— Он не должен был вернуться.

— Но вернулся.

— Значит, остаточная связь восстановилась.

— Между ним и Эвой?

Ида не ответила.

Лея поняла.

— Между ним и мной.

Ида медленно кивнула.

— Ты носишь не только его любовь, Лея. Ты носишь всё, что система не смогла распределить.

— Что именно?

— Вину. Желание. Страх. Память о выборе.

Лея почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

— Верните мне всё.

— Это невозможно.

— Тогда скажите, что делать.

Ида приблизилась.

— Ничего.

— Вы хотите, чтобы я продолжала работать?

— Да.

— С пациентами?

— Да.

— И притворялась, что не знаю?

— Именно это ты делала последние семь лет.

Лея ударила ладонью по стеклянной стене.

— А Марк?

— Его нужно наблюдать.

— Он опасен?

— Нет.

— Тогда почему вы боитесь?

Ида посмотрела на неё почти с сожалением.

— Потому что он может вспомнить, кому принадлежит чувство.

Лея застыла.

— И кому оно принадлежит?

Ида не ответила.

Но в этот момент на стене включилась панель безопасности.

На экране появилась запись с камер первого этажа.

Марк стоял у выхода из клиники.

Он не уходил.

Он смотрел прямо в объектив.

И даже через несколько этажей Лея почувствовала его присутствие так ясно, будто он находился в комнате.

На панели вспыхнуло сообщение:

ПАЦИЕНТ АРДЕН ТРЕБУЕТ ДОСТУПА К АРХИВУ НОСИТЕЛЯ 04.

Затем появилось второе:

ЗАПРОС ПОДТВЕРЖДЁН.

Ида побледнела.

Лея впервые увидела страх на её лице.

Настоящий.

Чужой или свой — она пока не знала.

Глава третья. Комната без окон

Марк вошёл в архив так, будто знал дорогу.

Это было первым, что напугало Лею.

Не сообщение системы, не побледневшее лицо Иды, не внезапно подтверждённый запрос. Именно то, как Марк двигался по коридору девяносто второго этажа: без колебаний, не глядя на указатели, словно стены сохранили для него прежнюю карту.

Ида шла впереди.

Лея — между ними.

— Почему система его пропустила? — спросила она.

— Потому что доступ подтвердил внутренний ключ.

— Его ключ?

— Нет.

— Мой?

Ида не ответила.

Марк остановился у двери архива. На панели светилась надпись: **ЗОНА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ.**

Он коснулся стекла.

Дверь открылась.

Внутри не было стеллажей. Только длинный зал, погружённый в синеватое освещение. По обеим сторонам стояли вертикальные капсулы с прозрачными крышками. В каждой хранился не человек, а носитель информации: кристаллические пластины, старые нейроинтерфейсы, фрагменты памяти, записанные в виде светящихся волокон.

Лея знала, что архив клиники состоит не из документов.

Он состоял из переживаний.

Чужой страх, законсервированный в стекле.

Чужая нежность, превращённая в код.

Чужая вина, которой можно было управлять громкостью.

Марк прошёл мимо первых капсул и остановился у дальней стены.

— Здесь, — сказал он.

— Откуда ты знаешь? — спросила Лея.

— Я помню.

Ида резко повернулась к нему.

— Ты не мог помнить.

— Тогда почему я стою здесь?

Марк положил ладонь на панель.

На стене возникла сетка идентификаторов. Большинство ячеек были тёмными. Одна мигала слабым янтарным светом.

M-ARDEN / EMOTIONAL CORE / TRANSFERRED

Лея почувствовала, как сердце ударило в грудь.

— Открой, — сказал Марк.

Ида встала между ним и панелью.

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что ты не готов.

— Я уже готов.

— Ты не знаешь, что там.

— Знаю.

Он улыбнулся.

На этот раз в его лице не было вежливости.

— А вы знаете, что у меня забрали?

Ида не ответила.

Марк повернулся к Лее.

— Вы знаете?

Лея хотела сказать «нет».

Но слово не пришло.

Вместо него внутри поднялось другое ощущение — горячее, почти болезненное. Желание приблизиться. Прикоснуться к его руке. Убедиться, что он настоящий.

Она сжала пальцы.

— Откройте архив, — сказала она.

Ида посмотрела на неё.

— Ты не понимаешь, что просишь.

— Я понимаю только то, что семь лет прожила внутри чужого решения.

— Это решение спасло тебя.

— От чего?

Ида молчала.

И тогда Марк сам активировал панель.

Дверь капсулы открылась.

Внутри лежал тонкий прозрачный цилиндр. В нём медленно вращалось облако тёмно-золотого света.

Лея сразу поняла, что это не воспоминание.

Воспоминание имеет форму. Место. Последовательность.

Это было чувство.

Оно двигалось, как живое.

Марк наклонился к цилиндру.

Свет внутри резко вспыхнул.

Лея услышала голос.

Не ушами.

Внутри головы.

Ты вернёшься?

Она отшатнулась.

Перед глазами возникла кухня. Тёмная, залитая дождём. На столе лежали две чашки. Одна разбита у основания. Женщина стояла у окна, обхватив себя руками.

Эва.

Лея не знала, откуда узнала её имя.

— Ты обещал, — сказала женщина.

Картинка исчезла.

Лея оказалась в архиве, держась за край капсулы.

Марк тяжело дышал.

— Ты тоже это видела? — спросил он.

Она кивнула.

Ида быстро закрыла цилиндр защитным полем.

— Достаточно.

— Нет, — сказал Марк.

— Ты начнёшь распадаться.

— Уже начал.

Он обернулся к Лее.

Его лицо было бледным, но взгляд оставался ясным.

— Что она сказала?

— Кто?

— Эва.

Лея не могла ответить.

Внутри неё шевельнулось чужое воспоминание: женские пальцы, касающиеся щеки Марка; тёплый свет на кухне; ревность, настолько сильная, что становилась физической болью.

— Она спросила, вернёшься ли ты, — сказала Лея.

Марк закрыл глаза.

— Я не вернулся.

— Почему?

— Потому что не смог.

— Ты не хотел?

— Я не помню.

Лея посмотрела на Иду.

— Вы удалили не только его любовь.

— Я уже сказала: мы изолировали эмоциональный доступ.

— Что это значит?

— Его разум сохранил события. Но связь между событиями и личностью была разорвана.

— Значит, вы сделали из него человека без прошлого.

— Он сам пришёл на процедуру.

— Потому что вы заставили его выбирать.

Марк открыл глаза.

— Она права.

Ида повернулась к нему.

— Ты ничего не помнишь.

— Но я помню достаточно.

— Ты помнишь, что хотел забыть.

— Нет. Я помню, что боялся не забыть.

Лея вдруг почувствовала, что в комнате стало тесно. Воздух давил на грудь. Золотой свет в цилиндре продолжал двигаться, хотя поле было закрыто.

— Что значит «носитель 04»? — спросила она.

Ида посмотрела на неё.

— У каждого носителя был номер.

— Почему я четвёртая?

— Потому что первые трое не выдержали.

— Что именно?

— Эмоциональной нагрузки.

— Какие чувства я носила?

Ида не ответила.

Марк подошёл к Лее.

Слишком близко.

Она ощутила тепло его тела через ткань одежды и одновременно — резкое желание отступить. Два противоположных импульса столкнулись внутри, будто принадлежали разным людям.

Марк заметил это.

— Вам больно?

— Нет.

— Вы врёте.

— Это моя работа.

— Ваша работа — проверять, когда лгут другие.

— А не когда лгу я.

Лея посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что я знаю, как выглядит правда.

Марк поднял руку, но не коснулся её.

Он остановился в нескольких сантиметрах от её лица.

— А это?

Её тело ответило прежде, чем разум успел вмешаться.

Лея закрыла глаза.

В темноте возник образ: она сама — семь лет назад — стоит в той же комнате. Марк сидит напротив, пристёгнутый к креслу. На его лице кровь.

Но теперь запись продолжалась.

Молодая Лея плакала.

— Я не хочу этого делать, — сказала она.

— Тогда не делайте.
— Если я уйду, они умрут.
— Это не ваша вина.
— Вы не знаете.
— Знаю.
— Нет. Вы не знаете, что они сделали.

Марк смотрел на неё.

— Я знаю, что они сделают с вами.
— Мне всё равно.
— Вам не всё равно.

Он произнёс это почти мягко.

И Лея услышала собственный голос.

— Отдайте мне любовь.

Марк резко дёрнул головой.

— Нет.
— Отдайте.
— Вы не понимаете.
— Понимаю.
— Вы станете другой.
— Я уже другая.

Он закрыл глаза.

А затем сказал:

— Хорошо.

Воспоминание оборвалось.

Лея открыла глаза.

Марк стоял перед ней, но теперь его рука лежала на её плече.

Она не почувствовала момента прикосновения.

— Я сказал «хорошо», — прошептал он.

— Что?
— Тогда. Я согласился.
— Ты отдал мне чувство.
— Нет.

Он посмотрел на неё.

— Я отдал тебе память о том, как чувствовать.

Свет в цилиндре вспыхнул.

На этот раз поле не выдержало. По поверхности капсулы побежали трещины.

Ида крикнула:

— Отойдите!

Марк не двинулся.

Лея тоже.

Из цилиндра вырвался золотой дым. Он не рассеялся в воздухе, а устремился к ним, разделившись на две тонкие нити.

Одна вошла в грудь Марка.

Вторая — в грудь Леи.

Она закричала.

Боль была не физической. Она не резала и не жгла. Она раскрывала.

В неё хлынули десятки чужих мгновений.

Марк и Эва танцуют на пустой станции.

Эва смеётся, запрокинув голову.

Марк просыпается ночью и на ощупь ищет её руку.

Молодая Лея наблюдает за ними через стекло.

Лея завидует.

Лея ненавидит себя за зависть.

Лея впервые понимает, что любовь может быть не желанием обладать человеком, а страхом однажды потерять право быть ему нужной.

Потом — тёмный коридор.

Ида кричит:

— Она не выдержит!

Молодая Лея отвечает:

— Выдержит.

— Ты не знаешь.

— Знаю.

— Откуда?

Молодая Лея смотрит на Марка.

— Потому что он уже внутри меня.

Настоящая Лея упала на колени.

Кто-то держал её за плечи. Возможно, Марк. Возможно, Ида.

Она слышала собственное дыхание и поверх него — чужой голос.

Не возвращай мне это.

— Что? — прошептала Лея.

Марк склонился к ней.

— Не возвращай мне.

— Что именно?

— Всё.

— Ты должен это забрать.

— Нет.

— Это твоё.

— Уже нет.

Он притянул её к себе.

Это было не объятие. Скорее попытка удержать человека на краю обрыва.

Лея вцепилась в его пальто.

Ей хотелось одновременно оттолкнуть его и не отпускать никогда.

— Ты любишь Эву, — сказала она.

Марк замер.

— Я знаю.

— Нет. Ты не знаешь.

— Тогда почему я чувствую её?

— Потому что это во мне.

— А ты?

Лея подняла глаза.

— Что я?

— Ты чувствуешь что-нибудь своё?

Она не смогла ответить.

Свет в архиве погас.

Когда аварийные лампы включились, цилиндр был пуст.

Ида стояла у панели, зажав ладонь на разбитой поверхности.

— Что произошло? — спросил Марк.

Ида посмотрела на них.

— Перенос завершился.
— Куда ушло чувство?
Ида перевела взгляд на Лею.
— Оно больше не разделено.
Лея почувствовала в груди тяжесть.
Не любовь.
Не страх.
Что-то третье.
Будто внутри неё теперь билось чужое сердце, но с её ритмом.
Марк поднялся.
— Значит, оно вернулось?
— Нет, — сказала Ида.
— Тогда где оно?
Ида ответила не сразу.
— Теперь оно принадлежит вам обоим.
На стене снова вспыхнула панель.
Появилось новое уведомление:
ОБНАРУЖЕНА АКТИВНАЯ СВЯЗЬ.
Ниже возникла строка:
ИСТОЧНИК: ЛЕЯ ВОЛЬТ.
Лея уставилась на экран.
— Я не источник, — сказала она.
Ида закрыла глаза.
— Больше нет.
— Тогда кто?
Панель мигнула.
Система добавила:
ИСТОЧНИК НЕ ОПРЕДЕЛЁН.
В коридоре раздался глухой удар.
Затем второй.
Кто-то бился в закрытую дверь архива.
Марк повернулся к выходу.
— Это Эва? — спросил он.
Ида побледнела.
— Эва умерла шесть лет назад.
Удар повторился.
На этот раз дверь прогнулась.
Лея почувствовала запах дождя.
Кофе.
Металла.
А затем услышала женский голос по ту сторону:
— Лея, открой.
Она знала этот голос.
Хотя никогда не слышала его раньше.
— Не открывай, — прошептал Марк.
Но дверь уже начала раскрываться.
Глава четвёртая. Эва
Дверь открылась не сразу.

Сначала разошлась защитная плёнка — тонкая, почти невидимая, но настолько плотная, что воздух перед ней дрожал. Затем исчез замок. Потом створки медленно раздвинулись.

За дверью никого не было.

Лея увидела пустой коридор, залитый аварийным красным светом. На полу блестела вода. Она стекала откуда-то сверху тонкой дорожкой и собиралась у порога архива.

Марк сделал шаг вперёд.

— Стой, — сказала Ида.

Он не послушал.

Вода была тёплой.

Лея почувствовала это даже на расстоянии: запах мокрого камня, металла и чего-то сладковатого, почти цветочного.

— Здесь не должно быть влаги, — сказала она.

Ида быстро закрыла дверь.

Но женский голос уже прозвучал снова:

— Лея.

На этот раз из динамиков.

Он был спокойным. Чуть хриловатым. В нём не было угрозы — только усталость человека, который слишком долго ждал ответа.

Марк побледнел.

— Это она.

— Кто? — спросила Лея.

— Эва.

Ида подошла к центральной панели и отключила звук. Голос исчез.

На секунду стало тихо.

Затем динамики включились снова.

— Ты всё-таки пришла, — сказала Эва.

Ида ударила ладонью по панели.

— Отключись!

Система не отреагировала.

Лея смотрела на красный индикатор.

— Это не человек, — сказала она.

— Что?

— Голос передаётся через архив. Не из коридора.

— Конечно, не человек, — ответила Ида. — Эва умерла.

— Тогда что это?

Ида не успела ответить.

На стене включился старый монитор. Изображение было зернистым, с полосами помех. Перед камерой стояла женщина в зелёном платье.

Эва.

Она была моложе, чем Лея представляла. Лицо овальное, волосы собраны на затылке, серебряная цепочка на шее.

Та самая.

Эва смотрела прямо в объектив.

— Если ты видишь эту запись, значит, они снова открыли архив.

Марк подошёл к экрану.

— Эва...

Женщина на записи не услышала его.

— Не пытайся искать меня в данных. Меня там нет. Всё, что осталось, спрятано не в файлах, а в реакции.

Лея почувствовала, как у неё немеют пальцы.

Эва продолжала:

— Они называют это эмоциональным следом. Это ложь. След — это то, что остаётся после исчезновения. А я не исчезла.

Марк прикоснулся к экрану.

— Ты умерла.

Слова прозвучали тихо.

На записи Эва улыбнулась, словно именно этого ответа и ждала.

— Да, Марк. Я умерла.

Он отступил.

Лея смотрела то на него, то на экран.

— Почему ты мне не сказала? — спросил Марк.

— Она не может тебя слышать, — сказала Ида.

— Тогда почему отвечает?

— Она не отвечает.

— А что она делает?

— Воспроизводится.

Эва продолжала:

— Я знала, что они воспользуются тобой. Знала, что ты согласишься. Ты всегда путал любовь с обязанностью защищать. Они поняли это раньше меня.

Марк сжал кулаки.

— Вы записали это до процедуры? — спросила Лея.

Ида не ответила.

— Ида.

— Да.

— Когда?

— За три дня до её смерти.

— Почему запись открылась сейчас?

Ида посмотрела на цилиндр, лежавший внутри разрушенной капсулы.

— Потому что активировалась связка.

— Какая связка?

Ида перевела взгляд на Марка.

— Эва оставила эмоциональный ключ.

— В нём?

— В нём, в тебе и в ней.

Лея ощутила внутри знакомое давление.

Чужое сердце снова ударило.

На экране Эва повернула голову, будто к чему-то прислушивалась.

— Лея, если ты это слышишь, значит, Марк вернул тебе доступ.

Лея застыла.

— Я ничего не возвращал, — сказал Марк.

— Нет, — прошептала Лея. — Она знала.

— Она не могла знать о тебе.

— Могла.

Ида закрыла глаза.

— Не продолжай.

Эва на записи сказала:

— Ты не была случайным носителем. Ты сама попросила принять чувство.

Лея резко повернулась к Иде.

— Ты сказала, что я отказалась.

— Сначала.

— А потом?

Ида молчала.

— Что произошло?

— Ты увидела протоколы.

— Какие протоколы?

— Пациентов, которым должны были перенести эмоциональные ядра.

— И?

— Ты поняла, что без носителя они погибнут.

Лея почувствовала, как в памяти открывается ещё одна дверь.

Белая комната.

На стекле — список имён.

Двенадцать пациентов.

Двенадцать людей, чьи чувства были настолько повреждены, что их сознание начало распадаться. У каждого — одна и та же отметка: **стабилизация невозможна**.

Она видела этот список раньше.

Или думала, что видела.

— Я согласилась ради них, — сказала Лея.

— Да.

— Но зачем Марк?

— Его эмоциональное ядро было самым устойчивым.

— Любовь к Эве.

Ида кивнула.

На экране Эва говорила:

— Марк, ты не обязан был отдавать себя. Но ты всегда считал, что если можешь спасти кого-то ценой собственной боли, значит, обязан это сделать.

Марк опустил голову.

— Я не помню, чтобы она так говорила.

— Ты помнишь её слова, — сказала Лея. — Просто не чувствуешь, что они значили.

— А ты чувствуешь.

— Я чувствую слишком много.

Эва продолжала:

— После переноса они собирались стереть твой доступ к памяти. Не потому, что ты представляла опасность. Потому что ты мог понять, что именно отдал.

Лея посмотрела на Иду.

— Ты стерла мне память?

— Я закрыла эмоциональные каналы.

— Ты использовала меня.

— Я пыталась тебя защитить.

— Нет. Ты защищала клинику.

— Это было одно и то же.

Лея рассмеялась.

— Вот в этом и была ваша главная ошибка.

В дальнем конце зала одна из капсул загорелась.

На поверхности появился номер:

Н-01

Лея подошла ближе.

Внутри лежал небольшой металлический браслет.

Она узнала его.
Такой носила её мать.
Воспоминание пришло внезапно и целиком.
Кухня. Зимнее утро. Женщина у окна застёгивает браслет на запястье. Ей трудно дышать.
Лея — ещё ребёнок — сидит под столом и слушает, как мать говорит по телефону:
— Я не отдам ей это чувство.
Другой голос отвечает:
— Ты не понимаешь, что произойдёт.
— Понимаю.
— Она всё равно станет носителем.
— Тогда пусть лучше это будет я.
Воспоминание оборвалось.
Лея отшатнулась от капсулы.
— Моя мать тоже была носителем?
Ида ничего не сказала.
Марк подошёл к ней.
— Лея.
— Не трогай меня.
Он остановился.
— Моя мать была первой?
Ида смотрела на браслет.
— Да.
— Что с ней случилось?
— Она умерла.
— От переноса?
— От последствий.
Лея почувствовала, как в груди поднимается не боль, а ярость. Ярость была незнакомой, но слишком сильной, чтобы принадлежать только ей.
— Ты знала, — сказала она Иде.
— Да.
— И всё это время молчала.
— Ты не спрашивала.
— Потому что ты забрала у меня возможность спросить!
Эва на экране вдруг замолчала.
Изображение дрогнуло.
Затем она посмотрела прямо на Лею.
На этот раз её губы двигались не в соответствии с записью.
— Не верь Иде.
Ида побледнела.
— Это невозможно.
— Не верь Марку.
Марк отступил.
— Эва?
— И не верь себе.
Лея приблизилась к экрану.
— Кто ты?
Эва улыбнулась.
— Я — место, где вы встретились.
— Ты умерла.

— Да.
— Тогда что сейчас говорит?
— То, что осталось после меня.
— Память?
— Нет.

Эва наклонилась к камере.

— Решение.

На экране появились новые строки.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СВЯЗКА: ТРИ СУБЪЕКТА

СУБЪЕКТ А: МАРК АРДЕН

СУБЪЕКТ Б: ЛЕЯ ВОЛЬТ

СУБЪЕКТ В: ЭВА РЕН

Ниже мигала надпись:

СТАТУС СУБЪЕКТА В: НЕ ПОДТВЕРЖДЁН

Лея почувствовала холод.

— «Не подтверждён»? — спросила она.

Ида смотрела на экран так, будто перед ней открылась могила.

— Это означает, что система всё ещё фиксирует активность Эвы.

— Но она мертва.

— Биологически.

— А эмоционально?

Ида не ответила.

Марк резко повернулся к ней.

— Где она умерла?

— В клинике.

— В какой комнате?

Ида молчала.

— В какой комнате? — повторил он.

— В комнате без окон.

В архиве погас свет.

На несколько секунд остались только лица, освещённые экранами.

Затем включилась карта нижнего уровня.

Лея увидела план здания. Под клиникой находился этаж, которого не было в официальной документации.

Уровень минус три.

На карте мигала точка.

ПАЛАТА 04.

— Там что-то осталось, — сказал Марк.

— Там ничего нет, — ответила Ида.

— Тогда почему точка активна?

Ида подошла к аварийному терминалу.

— Потому что система неисправна.

— Ты всегда говоришь это, когда система говорит правду, — сказала Лея.

Она нажала на кнопку вызова лифта.

Ида перехватила её руку.

— Ты не должна туда спускаться.

— Почему?

— Потому что Эва ждёт именно этого.

— Она уже дождалась.

— Нет. Она ждёт, когда ты вспомнишь, что сделала.
Лея замерла.
— Что я сделала?
Ида посмотрела ей прямо в глаза.
— Ты не была последним носителем.
— А кем ещё?
— Ты была первой, кто попросил вернуть чувство.
— Кому?
Вместо ответа Ида активировала старый терминал.
На экране появилась видеозапись.
Комната без окон.
Эва лежала на узкой кровати. К её вискам были подключены провода. Рядом стояла молодая Лея.
Между ними — прозрачная перегородка.
Эва была жива.
Но лицо её было неподвижным.
Молодая Лея держала в руках металлический контейнер.
— Если я сохраню это, оно погубит всех, — сказала она.
Эва едва заметно повернула голову.
— Если ты заберёшь, оно погубит тебя.
— Я справлюсь.
— Ты уже однажды так сказала.
— Когда?
— Когда умерла твоя мать.
Лея в настоящем перестала дышать.
На записи молодая Лея открыла контейнер.
Внутри мерцал тёмно-золотой свет.
Тот же, что был в архиве.
Эва закрыла глаза.
— Лея, если ты всё-таки решишься, не отдавай чувство Марку.
— Почему?
— Потому что он вернётся за ним.
— Пусть.
— Нет. Он вернётся за тобой.
Запись закончилась.
Лифт открылся.
За дверями была темнота.
Марк вошёл первым.
Лея — следом.
Ида осталась в архиве.
Перед тем как двери закрылись, она сказала:
— Если увидишь Эву, не спрашивай, жива ли она.
Лея посмотрела на неё.
— Что же тогда спросить?
Ида ответила:
— Спроси, кто из вас умер первым.
Двери сомкнулись.
Лифт начал опускаться.
На панели вместо этажей появились имена.

МАРК.

ЛЕЯ.

ЭВА.

Затем загорелось последнее слово:

ПЕРВЫЙ.

Глава пятая. Палата 04

Лифт опускался слишком долго.

Лея смотрела на панель, где вместо цифр медленно сменялись имена. После слова **ПЕРВЫЙ** экран погас, и внутри кабины стало темно.

Марк стоял напротив неё, прислонившись к стене.

— Ты знал об этом этаже? — спросила Лея.

— Нет.

— Но ты знал дорогу к архиву.

— Я знал, где хранится ядро.

— Откуда?

Марк провёл рукой по лицу.

— Не знаю.

— Это неудобный ответ.

— Другого у меня нет.

Лея хотела надавить, но почувствовала, как между ними натягивается невидимая нить. Она не видела её, но ощущала кожей: слабое покалывание в запястьях, давление под ключицами.

— Ты боишься? — спросила она.

— Да.

— Чего?

— Что вспомню.

Лифт дёрнулся.

На панели появилась надпись:

УРОВЕНЬ 3. ДОСТУП: ПОДТВЕРЖДЁН.

Двери открылись.

Перед ними был коридор без света.

В воздухе пахло влажным бетоном. Не было ни вентиляции, ни привычного гула оборудования. Только тихое капанье воды — где-то далеко, за стенами.

Марк вышел первым.

Лея последовала за ним.

Двери лифта закрылись, но не уехали. Их поверхность потемнела, превратившись в зеркало.

В отражении Лея увидела себя рядом с Марком.

Между ними стояла женщина в зелёном платье.

Лея резко обернулась.

Коридор был пуст.

— Ты тоже её видела? — спросил Марк.

Она кивнула.

— Значит, это не воспоминание.

— Или воспоминание общее.

На стене слева загорелась тонкая линия. Она потянулась вперёд, обозначая путь.

Лея пошла по ней.

— Ты уверен, что хочешь продолжать?

— Нет.

— Тогда почему идёшь?

Марк посмотрел на неё.

— Потому что всю жизнь принимал решения, не будучи уверенным.

— Это не ответ.

— Для меня — единственный.

Коридор закончился дверью.

На ней не было номера, только отпечаток ладони.

Лея приложила руку.

Дверь не открылась.

Марк сделал то же самое.

Система сказала:

ДВОЙНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ.

Замок щёлкнул.

За дверью находилась палата.

Она была меньше, чем Лея ожидала. Белые стены, узкая кровать, стол, металлический стул. Ни окон, ни зеркал, ни медицинских приборов.

Только на стене напротив висел старый динамик.

Из него доносилось дыхание.

Женское.

Лея вошла.

Марк остановился на пороге.

— Эва? — сказал он.

Дыхание прекратилось.

Через несколько секунд динамик ответил:

— Не называй меня так.

Голос был тем же, что звучал в архиве, но теперь в нём слышалось не эхо записи. Он был живым.

Марк побледнел.

— Ты существуешь?

— А ты?

Лея посмотрела на динамик.

— Кто ты?

— Ты уже знаешь.

— Я знаю только, что тебя не должно быть.

— Это говорят обо мне многие.

— Эва умерла.

— Да.

— Тогда кто с нами разговаривает?

— Та часть Эвы, которую смерть не смогла забрать.

— Чувство?

— Решение.

Марк сделал шаг в палату.

— Где ты?

— Везде, где ты не помнишь.

— Я помню достаточно.

— Нет. Ты помнишь только то, что тебе разрешили чувствовать.

Лея почувствовала, как его рука сжалась в кулак.

— Почему ты позвала нас сюда?

— Я позвала Лею.

— Меня?

— Марк пришёл сам.

Лея подошла к стене.

— Что ты хочешь?

— Вернуть своё.

— Что именно?

В динамике раздался тихий смешок.

— Это ты должна помнить.

По стене пошла рябь. Поверхность стала прозрачной.

За ней появилась другая комната.

Та же палата, но семь лет назад.

Эва лежала на кровати. К вискам были подключены провода. Молодая Лея сидела рядом с ней. Ида стояла у двери.

Но на этот раз в комнате был ещё один человек.

Марк.

Он выглядел моложе, чем сейчас, и держал Эву за руку.

— Начнём с малого, — говорила Ида. — Извлечём только страх.

— Нет, — ответила Эва.

— Мы не можем стабилизировать тебя без доступа к ядру.

— Тогда стабилизируйте Марка.

— Его система не повреждена.

— Повреждена моя.

Молодая Лея смотрела на монитор.

На экране пульс Эвы менялся скачками.

— У неё распадается эмоциональная связность, — сказала Лея.

— Она умирает, — ответила Ида. — Нам нужен резерв.

— Резервом будет Марк?

— Его чувство к ней.

Марк поднялся.

— Нет.

— Вы сами подписали согласие.

— Я подписал согласие на лечение Эвы.

— Это и есть лечение.

— Вы сказали, что возьмёте воспоминания.

— Мы берём только то, что удерживает её в сознании.

Эва повернула голову к Марку.

— Не соглашайся.

— Я должен.

— Нет.

— Я не могу смотреть, как ты умираешь.

— А я не хочу жить за счёт тебя.

Изображение остановилось.

Лея смотрела на молодого Марка.

Он был напуган.

Но его страх не принадлежал ей.

— Почему я вижу это? — спросила она.

— Потому что ты была там, — ответила Эва.

— Я помню.

— Нет. Ты видишь.

— Какая разница?

— Память отвечает на вопрос «что произошло». Чувство отвечает на вопрос «кто за это заплатил».

Лея повернулась к Марку.

— Ты согласился добровольно?

— Я думал, что спасу её.

— А она?

— Она отказалась.

— Но ты всё равно сделал это.

— Да.

— Почему?

Марк смотрел на стену, где застыло изображение Эвы.

— Потому что любил её.

Внутри Леи что-то сжалось.

Не ревность.

Не боль.

Понимание.

Оно было страшнее.

— А потом? — спросила она.

Динамик зашипел.

Картинка продолжилась.

Ида подключила к системе второй контур. Молодая Лея стояла рядом с капсулой, в которой вращался золотой свет.

— Извлекаем, — сказала Ида.

Эва закричала.

Марк рванулся к ней, но ремни удержали его.

— Остановите это!

Молодая Лея посмотрела на него.

— Если остановить сейчас, она умрёт.

— Тогда возьмите мою жизнь.

— Нам не нужна ваша жизнь.

— Возьмите всё.

— Мы не можем взять всё.

— Можете.

Он смотрел на Лею.

— Возьмите и мою любовь.

Молодая Лея отвернулась.

Но Эва услышала.

— Нет, — прошептала она.

Золотой свет начал вытекать из капсулы.

Лея настоящая закрыла глаза.

Внутри неё возникло ощущение пустого пространства, которое внезапно заполняли тысячи голосов.

Один из них принадлежал Марку.

Я вернусь.

Другой — Эве.

Не возвращайся таким.

Третий — молодой Лее.

Я сохраню это.

Она открыла глаза.

— Ты не вернулся, — сказала Эва из динамика.

Марк стоял неподвижно.

— Я был рядом.

— Телом.

— Я не знал.

— Ты знал. Просто не чувствовал.

Лея обернулась к динамику.

— Почему ты обвиняешь его?

— Я не обвиняю.

— Тогда чего хочешь?

— Чтобы он вспомнил, что выбор был не только его.

В стене появилась новая строка:

ПЕРВИЧНЫЙ НОСИТЕЛЬ: ЭВА РЕН.

Лея нахмурилась.

— Но Ида сказала, что первой была моя мать.

— Ида говорит правду только тогда, когда ложь становится опасной.

— Что значит «первичный носитель»?

— Моё чувство не принадлежало Марку.

Марк поднял голову.

— Что?

— Он его принял. Но источником была я.

— Ты любила меня.

— Нет.

Эти слова прозвучали спокойно.

— Я любила то, кем становилась рядом с тобой.

Марк отвернулся.

Лея почувствовала, как внутри неё ломается что-то важное.

— Тогда почему чувство передали ему?

— Потому что я умирала.

— Из-за болезни?

— Из-за отказа от себя.

Динамик зашипел, и голос Эвы стал тише.

— Я слишком долго пыталась быть той, кого от меня хотели. Дочерью. Женщиной. Любимой. Пациенткой. Когда от меня осталось слишком мало собственного, клиника назвала это повреждением.

Лея вспомнила список пациентов.

Стабилизация невозможна.

— Они лечили не болезнь, — сказала она.

— Нет. Они лечили несогласие.

— С чем?

— С ролью.

В комнате погас свет.

На стене появилась надпись:

ПАЛАТА 04. СУБЪЕКТ В: АКТИВЕН.

Марк подошёл к Лее.

— Что значит «активен»?

Она не ответила.

Из динамика донёсся голос Эвы:

— Я не в системе. Я в вас.

Лея почувствовала резкий холод.

— В нас обоих?

— В тебе — желание. В нём — память.

— А где ты?

— В решении.

Лея вспомнила слова Иды: Спроси, кто из вас умер первым.

— Кто умер первым? — спросила она.

Долгое молчание.

Затем Эва ответила:

— Не я.

В стене открылась узкая ниша.

Внутри лежал металлический контейнер.

Лея узнала его по записи.

Тот самый, который держала молодая она.

Марк подошёл к нише.

— Не открывай, — сказала Эва.

— Почему?

— Потому что тогда ты вспомнишь.

— Я хочу.

— Ты всегда хотел.

Он взял контейнер.

Его крышка была запечатана тонкой полосой кожи.

Не пластиком.

Не металлом.

Кожей.

На ней проступали отпечатки пальцев.

Лея приложила ладонь к крышке.

Контейнер открылся.

Внутри не было золотого света.

Там лежала фотография.

Старая, выцветшая, сделанная в клинике.

На ней стояли трое: Лея, Марк и Эва.

Но фотография была датирована за два года до их официального знакомства.

Эва держала Лею за руку.

Марк смотрел на обеих.

На обороте было написано:

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА. УСПЕХ: 0%.

Лея перевернула фотографию.

Под первой надписью появилась вторая, сделанная другим почерком:

ВТОРАЯ ПОПЫТКА. УСПЕХ: ЧАСТИЧНЫЙ.

Марк смотрел на фотографию, не моргая.

— Мы уже встречались, — сказал он.

— Да.

— Почему я не помню?

— Потому что ты умер, — ответила Эва.

Лея почувствовала, как холод проходит через всё тело.

— Что?

— Первый Марк умер семь лет назад.

Динамик замолчал.

На стене появилась последняя строка:

ТЕКУЩИЙ СУБЪЕКТ: ВОССТАНОВЛЕН.

Марк медленно поднял голову.

— Тогда кто я?

Эва ответила:

— То, что осталось после любви.

В палате зажёгся свет.

И Лея увидела, что на кровати напротив них кто-то сидит.

Женщина в зелёном платье.

Эва смотрела на них открытыми глазами.

Живая.

Но её тень на стене принадлежала не ей.

Она принадлежала Лее.

Глава шестая. Тень

Эва не двигалась.

Она сидела на краю кровати, положив руки на колени, и смотрела на Лею так, будто ждала не встречи, а приговора.

Марк стоял рядом, не сводя с неё глаз.

— Ты живая? — спросил он.

Эва улыбнулась.

— Не спрашивай этого.

— Почему?

— Потому что ответ тебе не понравится.

Лея смотрела на её тень.

Тень не повторяла движений Эвы. Она сидела, наклонив голову в другую сторону, и казалась выше, чем сама женщина.

— Встань, — сказала Лея.

Эва подчинилась.

Тень осталась на месте.

Марк отступил.

— Что это?

— Остаток, — ответила Эва.

— Чего?

— Меня.

— Ты говоришь так, будто это нормально.

— Для меня — да.

Эва подошла к стене. Её тень поднялась следом с задержкой в несколько секунд.

Лея почувствовала, как внутри неё нарастает знакомое давление.

— Ты не Эва, — сказала она.

— Это зависит от того, что ты считаешь человеком.

— У человека есть тело.

— У тела есть температура, пульс и срок службы. Это ещё не делает его человеком.

— Тогда что делает?

Эва посмотрела на Марка.

— Решение.

Он вздрогнул.

— Ты сказала это раньше.

— Я знаю.

— Где настоящее тело?

Эва не ответила.

Лея почувствовала его вопрос раньше, чем он был произнесён.

— Ты хочешь знать, где умер первый Марк.

— Да.

Эва перевела взгляд на неё.

— Ты уже знаешь.

— Я видела запись.

— Ты видела не запись. Ты увидела то, что система позволила тебе увидеть.

— Хватит говорить загадками.

— Тогда спроси прямо.

Лея сделала шаг вперёд.

— Где умер Марк Арден?

Эва посмотрела на мужчину рядом с ней.

— В твоих руках.

Марк замолчал.

На потолке включился свет. Бледный, больничный. Под ним лицо Эвы стало почти прозрачным.

— Это неправда, — сказал Марк.

— Ты сам видел.

— Я не помню.

— Именно.

Лея закрыла глаза.

И увидела.

Комнату без окон. Кровь на полу. Молодую себя, стоящую у металлического стола. Марк лежит неподвижно, его грудь не поднимается.

Эва сидит рядом с ним и держит его за руку.

Ида говорит:

— Мы потеряли субъекта.

Молодая Лея отвечает:

— Нет. Мы потеряли тело.

— Это одно и то же.

— Нет.

— Он умер.

— Тогда верните его.

— Лея...

— Вы сказали, что эмоциональная структура сохраняется.

— Не полностью.

— Тогда соберите её.

Воспоминание исчезло.

Лея открыла глаза.

Марк смотрел на неё.

— Что ты видела?

— Ты умер.

Он отвернулся.

— Как?

— Не знаю.

— Вспомни.

— Я не могу.

— Можешь.
В его голосе появилась злость. Не громкая, но глубокая.
Лея почувствовала, что эта злость проходит в неё, как электрический ток.
— Не дави на меня.
— Ты носишь мою память.
— Не всю.
— Тогда верни её.
Эва резко сказала:
— Хватит.
Марк повернулся к ней.
— Ты знала?
— Да.
— И молчала?
— Потому что ты не мог пережить это второй раз.
— Я уже пережил.
— Нет. Ты был собран из того, что от тебя осталось.
Марк сделал шаг к Эве.
— Кто меня собрал?
Эва посмотрела на Лею.
Марк тоже.
Ответ не требовал слов.
— Ты? — спросил он.
Лея почувствовала, как земля уходит из-под ног.
— Я не знаю.
— Но ты была там.
— Да.
— Ты попросила вернуть меня?
Она хотела сказать «нет».
Вместо этого из её горла вышло:
— Я не могла тебя оставить.
Марк застыл.
Эти слова были не её.
И всё же они принадлежали ей.
Эва отвернулась.
— Вот почему ты должна была не приходить.
— Почему?
— Потому что рядом с ним ты начинаешь вспоминать.
— А что случится, если я вспомню всё?
Эва посмотрела на её тень.
— Ты перестанешь быть собой.
Тень на стене медленно подняла руку.
Лея не двигалась.
Тень коснулась лица Эвы.
Эва закрыла глаза.
— Она уже близко, — сказала женщина.
— Кто?
— Та, кем ты была до Леи.
Марк смотрел на стену.
— У неё есть имя?

— Нет.
— Тогда почему она принадлежит ей?
— Потому что Лея создала её.
Лея подошла к тени.
Её собственная стояла напротив, отделённая от ног тонкой полосой света.
Она подняла руку.
Тень подняла руку тоже.
Но не одновременно.
На этот раз она двигалась первой.
Пальцы тени легли на стену.
Лея коснулась того же места.
Между ладонями не было поверхности.
Была холодная вода.
Внезапно её отбросило назад.
Перед глазами вспыхнули образы.
Мать лежит на полу.
Ида стоит рядом.
Молодая Лея держит в руках золотой контейнер.
Эва сидит на кровати и плачет.
Марк ещё жив, но его сердце бьётся нерегулярно.
— Если мы перенесём связь, он сохранится, — говорит Ида.
— А Эва?
— Эва уже теряет себя.
— Она должна решить сама.
— Она не может.
— Тогда я решу за неё.
— Ты не имеешь права.
— У меня его тоже не было.
Мать Леи открывает глаза.
— Не отдавай им мою память.
Молодая Лея наклоняется к ней.
— Я не отдам.
— Обещай.
— Обещаю.
— Тогда почему ты держишь контейнер?
Лея не отвечает.
Мать смотрит на золотой свет.
— Ты уже выбрала.
Воспоминание исчезло.
Лея лежала на полу.
Марк сидел рядом с ней.
Эва стояла у стены, а её тень теперь находилась у ног Леи.
— Что я сделала? — спросила Лея.
— Ты выбрала сохранить всех, — сказала Эва.
— Это не ответ.
— Ты взяла часть памяти матери, часть чувства Марка и часть собственной личности.
Соединила их в одну структуру.
— Зачем?
— Чтобы создать того, кто сможет пережить перенос.

Лея посмотрела на Марка.

— Его?

— Нет.

Эва указала на тень.

— Её.

Тень отделилась от стены.

Она встала между ними.

У неё не было лица, но Лея узнала позу: напряжённые плечи, склонённая голова, руки, сжатые в кулаки.

Это была она.

Не нынешняя.

Та, что принимала решения, не спрашивая разрешения у будущего.

— Почему она появилась сейчас? — спросил Марк.

— Потому что ты вернулся.

— Я не возвращался.

— Возвращение — это не движение тела. Это совпадение чувства с именем.

Тень повернула голову к Марку.

Он сделал шаг назад.

Лея почувствовала в груди такую боль, будто чья-то рука сжала сердце.

— Ты лжёшь, — сказала она.

— Я не помню.

— Это не освобождает тебя.

— А тебя освобождает?

Лея не ответила.

В динамике над дверью раздался голос Иды:

— Лея, немедленно поднимайтесь вверх.

— Нет.

— Нижний уровень будет изолирован.

— Что случилось?

— Система обнаружила нестабильность.

Эва улыбнулась.

— Она боится.

— Ида, — сказала Лея, — что находится под палатой?

Пауза.

— Ничего.

— Скажи правду.

Связь зашипела.

— Под палатой находится первый контур.

Марк посмотрел на Эву.

— Что это?

— Место, где меня впервые собрали.

— Тебя собрали здесь?

— Не меня.

Эва указала на тень.

— Её.

Лея почувствовала холод.

— Тогда кто ты?

Эва подошла к ней и остановилась совсем близко.

Её лицо было красивым, усталым и абсолютно человеческим.

— Я была первой попыткой.
— Создать что?
— Человека, который сможет жить с чужими чувствами.
— И ты не справилась.
— Я справилась слишком хорошо.

Эва взяла Лею за руку.

Её пальцы были холодными.

В тот же момент тень исчезла.

Не растворилась — вошла в Лею.

Она почувствовала, как в неё возвращается чужой силуэт. Вместе с ним пришло воспоминание.

Она стоит перед Эвой семь лет назад.

Эва жива.

Марк мёртв.

Ида держит дверь закрытой.

— Выбери, — говорит Эва.

— Что?

— Вернуть Марка или сохранить меня.

— Я не могу.

— Можешь.

— А если я выберу вас обоих?

Эва смотрит на неё.

— Тогда ты исчезнешь.

— Пусть.

— Ты не понимаешь.

— Понимаю.

— Нет, Лея. Ты хочешь не спасти нас. Ты хочешь перестать быть виноватой.

Молодая Лея плачет.

— Я просто не хочу, чтобы вы умирали.

Эва касается её лица.

— Тогда запомни это чувство.

— Какое?

— Что иногда любовь — это не удержать человека, а позволить ему исчезнуть.

Воспоминание оборвалось.

Лея открыла глаза.

Эва всё ещё держала её за руку.

— Ты вспомнила, — сказала она.

— Я выбрала тебя.

— Нет.

— Я оставила тебя живой.

— Ты оставила мой страх.

Эва отпустила её.

Марк подошёл к стене, где раньше была тень.

— А я?

— Ты был вторым.

— Вторым кем?

— Вторым человеком, которого она отказалась отпустить.

Лея посмотрела на него.

— Я не создавала тебя.

— Создавала.

— Нет.

— Тогда почему я чувствую твою боль?

— Потому что она моя.

— Почему я знаю, как ты дышишь во сне? Почему знаю, что ты просыпаешься за несколько минут до будильника? Почему знаю, что ты не ешь, когда злишься? Почему знаю, что ты боишься темноты, хотя никогда этого не говорила?

Лея отступила.

Каждый вопрос попадал точно в неё.

— Потому что ты жил рядом со мной?

— Мы никогда не жили рядом.

— Тогда откуда?

Марк положил ладонь ей на грудь.

— Оттуда.

Под его рукой её сердце ударило один раз.

Затем второй.

А потом на стене появилась новая надпись:

СИНХРОНИЗАЦИЯ 78%.

Эва резко сказала:

— Уберите руку.

Марк не послушал.

Процент начал расти.

79%.

80%.

81%.

Лея почувствовала, как исчезает граница между её телом и его памятью.

Она увидела себя глазами Марка.

Тёмная кухня. Дождь за окном. Лея стоит у раковины и моет чашку, хотя та уже чистая.

Он хочет подойти к ней.

Она не оборачивается.

— Ты опять собираешься уйти? — спрашивает она.

— Нет.

— Тогда почему уже решил?

— Я ничего не решал.

— Решил.

Он подходит ближе.

Лея поворачивается.

В её глазах страх.

— Если ты уйдёшь, я не смогу тебя вернуть.

— А если останусь?

— Тогда ты никогда не узнаешь, кто ты без меня.

Образ исчез.

Марк убрал руку.

Процент остановился.

81%.

Эва смотрела на них.

— Теперь ты понимаешь? — спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.